

НАСТОЯЩАЯ родина — это когда в плацкарте
плотность воздуха убивает возможность
мыслить.

Через войлочные поля, не означенные на карте,
баба воду несет на разохшемся коромысле.

Настоящая родина — это когда в колосьях
не исполненных обещаний сгорают зерна,
это дети вдоль насыпей яблоки в ведрах носят
и вороны воруют жизнь из-под слоя дерна.

Ты выходишь туда, где когда-то была дорога,
в теплых валенках и в телогрейке, от пота
влажной.

Ни креста на сто верст, ни женщины,
ни острога —
только ветер да слезы, не важно, о чем.
Не важно.

КАК МОТЫЛЬКИ, летящие на свет,
С проспектов листья жмутся к подворотням.
Рабочий день, похожий на субботний,
Ты — в никуда отправленный привет.

О, как унять осеннюю тоску,
Тупую боль, разбуженную наспех,
И эти листья, поднятые на смех
Колючим ветром — просто, на бегу?

Как угадать, где правда, за каким
Из поворотов красного трамвая,
Который мчится, искры выбивая,
К мирам иным и станциям иным?

Как мотылек, как бабочка, из рук
Рванет конверт осеннего покроя
Туда, где сине-серое, сырое.
И мой трамвай опишет новый круг.

(Прощальное)

СНОВА ВЕЧЕР ЗАЖАТ меж домов,
и на Пятницкой крутят
непутевые фильмы о новой волнующей мути —
о несчастной, прекрасной... И ветер гоняет
газеты
возле Рыбного рынка. И грустное прочат
приметы.

Меж домов, меж домов междометие, проблеск
осколка.
В стог памяти вновь затерялась шальная
иглолка —
вот, хожу и ищу. Бесплезно, бессмысленно,
больно,
залезая в пращу вместо камня, кричать:
«Добровольно!»

Я иду по столице, вдыхая и комкая ветер,
как секундная стрелка, которой быстрее на свете
не найти, и не надо искать, потому что как будто
в этой плоскости знать бесполезно часы
и минуты.

Меж домов, меж домов я иду, на ходу забывая,
как над Яузой гулко грохочут пустые трамваи,
забывая себя, в голубиное небо не глядя,
край пальто теребя. Забывая. Чего-то там ради

никуда, никуда, никуда не уеду отсюда,
никуда, никуда, никуда — я здесь умер и буду —
от Черкизово и до невидимых глазу окраин —
это Авель во мне, это Авель во мне, это Каин,

это вечер и ветер в плену подворотен, кофеен,
это возглас рекламы, в себе до конца не уверен,
это — двери закрючены, ставни забиты навеки,
это жизнь иногда поднимает опухшие веки

и глядит меж домов у Речного, в Перово,
в Капотне,

как сужается день и линяет, сквозь вечер
субботный,
сквозь пустой циферблат с оцинкованной
стрелкой минутной,
сквозь меня, сквозь пустые трамваи над Яузой
мутной.

В. Набокову

ДЛИННАЯ ТЕНЬ асфальта
небрежно брошена меж домов.
Там, где ты жил когда-то,
моря почти не слышно.

Вспомни: весна, Фиальта,
прилежна тихая песнь холмов —
звуков замысловатых
не разберет Всевышний.

Вспомни — молитвы ради —
большое облако над тобой,
страшную ясность неба,
странную твердость шага,

и урони, не глядя,
чужое слово в чужой прибор.
Там, где ты раньше не был —
тишь. Пустота. Бумага.